

Rus[skoye] Slovo. 1914, February 9, no. 33, p. 8.

Рус. слово. 1914. 9 (22) февраля, № 33. С. 8.

Quoted in Val'kova, S. V. Rachmaninoff: Chronicle of Life and Works, vol. 2, p. 496

Yesterday's concert is undoubtedly destined to be the highlight of the current season. It featured a new work by Sergei Rachmaninoff, a valuable contribution to Russian symphonic literature. It is called "The Bells," a poem for orchestra, soloists, and chorus (text by Edgar Allan Poe, translated by K. Balmont), and consists of four movements, corresponding to four poems by Edgar Allan Poe, collectively titled "The Bells."

The idea of uniting the most important moments of human life with the sounds of a bell is perhaps even better developed by Schiller than by Edgar Allan Poe, but the latter produced a huge poem, the enormity of which alone was probably the reason for the lack of success of many composers who undertook its musical arrangement, whereas in Poe, in the ideally beautiful sonorous translation of Balmont, four contrasting poems themselves beg to be poured out into sounds.

The first part sings of the cheerful, fresh time of youth, when life in a period of intensive development strives forward and forward!..

The sleighs are racing, racing in a row,
The bells are ringing...
Oh, how ringing, ringing, ringing,
Just like the sonorous laughter of a child...

And in this joyful, unaccountable striving, perhaps, lies all the beauty and all the justification. This movement (tenor solo, choir, and orchestra) is a new achievement of Russian art. The crimson ringing of bells and the shimmering twang of sleigh bells, surrounded by swiftly gliding passages, with expressive truth paint the words and meaning of the text with sounds, merging with them into a magnificent, organic, symphonic whole. The sonority of this movement, both vocal and especially instrumental, is truly enchanting in its artistic beauty.

The second part (solo soprano, choir and orchestra) wedding bells.

Do you hear the holy ringing of the wedding bells,
Gold!
How much tender bliss there is in this young song!..

Edgar Poe uses the "harmony of golden bells" as a red thread in this poem, and it seemed that these verses should evoke "golden", bright, burning sounds of the highest human bliss, but the author, perhaps due to the desire to achieve a greater contrast between the music of the first and second parts, embodied in the sounds not so much immediate joy, but an elegiac lunar look "at the future, where the serenity of tender dreams slumbers," and this whole part is like a lullaby to these dreams, tender to the point of sadness, which, perhaps, Edgar Allan Poe did not make the cornerstone of his poem.

Part 3 (choir and orchestra only) – the struggle for life.

Do you hear the howling alarm,
It's as if a copper hell is groaning!
These sounds in wild torment create a horror story.

This section of Sergei Rachmaninoff's composition is a furiously rushing scherzo, full of tragic horror and captivating intensity. In it, the composer achieved new conquests in a creative field that was steadily moving forward. This section demonstrates a powerful, original talent that has finally cast off the necessary and inevitable shackles of the influence of preceding composers. After this scherzo, which embodies the very essence of Rachmaninoff's work, it is time to acknowledge that the spiritual connection between Rachmaninoff's work and Tchaikovsky has been definitively severed, and that before us emerges a new force, unfettered by any idol. The last part (solo baritone, choir) is inevitable death:

The resounding bell is crying,
Moans in the silent air,
And prolongs the proclamation of the grave's peace.

The entire movement is in the form of a funeral march, interrupted by outbursts of sadness and grief from the choir.

The entire extensive composition amazes with its unusually noble writing style and amazing, always appropriate, subtly colourful, almost virtuosic orchestral sonority, which always sounds clear, despite the sometimes terrifying complexity of the 47-line score.

It was performed under the baton of the composer, who conducted the entire concert superbly, with enormous composure, an unwavering rhythm and an exceptional "Rachmaninoff-like" inner temperament – the very one that alone gives the power and strength to the conductor to hold the threads of all performing abilities in his soul and will. The soloists, artists of the Imperial Opera, Mrs. Stepanova, Messrs. Bogdanovich and Pavlovsky, as well as the choir under the direction of their always excellent choirmaster, Mr. Avranek, handled their difficult parts superbly.

The first half of the concert was devoted to French music, with works by Franck, Debussy, Ravel and Dukas [sic] performed, but the faint impression left by these works vanished completely, like smoke, at the very first sounds of The Bells.

S. V. Rachmaninoff was presented with wreaths and gifts, and at the end he was given a long, unusually heartfelt and warm ovation. Yu. Sakhnovsky.

[Translation: Google]

Вчерашнему концерту, бесспорно, суждено стать «гвоздем» протекающего сезона. Потому что в нем исполнено новое сочинение С. В. Рахманинова, представляющее собой очень ценный вклад в русскую сим-фоническую литературу. Называется оно «Колокола», поэма для оркестра, соло и хора (текст Эдгара По, перевод К. Бальмонта),

и состоит из четырех частей, со-ответствующих четырем стихотворениям Эдгара По, под общим названием «Колокола».

Мысль объединить звуками колокола важнейшие моменты человеческой жизни разработана, пожалуй, еще лучше, нежели у Эдгара По, у Шиллера, но последний дал громадное стихотворение, одна громадность которого, вероятно, была причиной недостаточности успеха многих композиторов, бравшихся за его музыкальную обработку, тогда как у По, в идеально прекрасном звучном переводе Бальмонта, четыре контрастирующих стихотворения сами просятся вылиться в звуки. Первая часть воспекает бодрую, свежую пору юности, когда жизнь в период интенсивного развития стремится все вперед и вперед!..

Сани мчатся, мчатся в ряд,
Колокольчики звенят...
О, как звонко, звонко, звонко,
Точно звучный смех ребенка...

И в этом радостном, безотчетном стремлении, быть может, заключены вся красота и все оправдание. Эта часть (соло тенор, хор и оркестр) является новым достижением русского искусства. Малиновый звон колокольчиков, переливы бубенчиков, окруженные быстро скользящими пассажами, с выразительной правдой рисуют звуками слова и смысл текста, сливаясь с ним в великолепное органическое симфонически целое. Звучность этой части, как вокальная, так и особенно инструментальная, прямо чарует своей художественной красотой. Вторая часть (соло сопрано, хор и оркестр) свадебные колокола.

Слышишь к свадьбе звон святой,
Золотой!
Сколько нежного блаженства в этой песне молодой!..

Эдгар По красною нитью проводит в этом стихотворении «согласье золотых колоколов», и, казалось, стихи эти должны бы были вызвать «золотые», яркие, горящие звуки наивысшего человеческого блаженства, но автор, в силу, быть может, желания добиться большего контраста между музыкой первой и второй частей, воплотил в звуки не столько непосредственной радости, сколько элегически лунного взгляда «на грядущее, где дремлет безмятежность нежных снов», и вся эта часть как бы является колыбельной песнью этим снам, нежной до грусти, чего, быть может, Эдгар По и не ставил краеугольным камнем своего стихотворения. 3-я часть (только хор и оркестр) — борьба за жизнь.

Слышишь воющий набат,
Точно стонет медный ад!
Эти звуки в дикой муке сказку ужасов творят.

Часть эта в композиции С. В. Рахманинова представляет собою бешено несущееся скерцо, полное трагического ужаса и захвата. В нем композитор достиг новых завоеваний в области своего творчества, неуклоннодвигающегося поступательно вперед. Эта часть показывает сильный самобытный талант, окончательно сбросивший с себя необходимые и неизбежные путы влияния предшествующих ему композиторов, и после этого скерцо, являющегося плотью самой сущности рахманиновского творчества, пора признать, что духовная связь творчества Рахманинова с Чайковским окончательно порвалась, и что перед нами встает во весь рост новое, никакому кумиру не закрепощенное.

Последняя часть (соло баритон, хор) неизбежная смерть:

Гулкий колокол рыдает,
Стонет в воздухе немом,
И протяжно возвещает о покое гробовом.

Вся часть выдержана в форме похоронного марша, прерываемого взрывами печали и скорби у хора.

Все обширное сочинение поражает необычно благо-родным стилем письма и удивительной, всегда целесообразной, тонко колоритной до виртуозности оркестровой звучностью, звучащей всегда ясно, несмотря на страшную по временам сложность 47-линейной партитуры.

Исполнена она была под управлением автора, дирижировавшем всем концертом превосходно, с громадным самообладанием, непреложным ритмом и исключительным «рахманиновским» внутренним темпераментом – тем самым, который один только дает власть и силу дирижеру держать нити всех исполнительских возможностей в своей душе и воле.

Отлично справились со своими трудными партиями солисты, артисты Императорской оперы г-жа Степанова, гг. Богданович и Павловский, а также хор под управлением своего неизменного великолепного хор-мейстера г. Авранека.

Первая половина концерта была отведена французской музыке, исполнялись сочинения Франка, Дебюсси, Равеля и Дюка, но слабое впечатление, оставшееся от этих сочинений, улетучилось окончательно, как дым, при первых же звуках «Колоколов».

С. В. Рахманинову были поднесены венки, подарки и по окончании устроена долгая, на редкость сердечная и горячая овация.